

Я, Зайцева Нина Герасимовна, сорок пять лет, русская, служащая, рационализатор. Рост сто шестьдесят сантиметров, вес пятьдесят семь килограммов, глаза бурые, волосы иссиня-черные. Была Зосимовой и Титовой. Окончила техникум. Мать-одиночка. Племянница Стульчиковой Фаины Григорьевны.

Я родилась и тридцать лет прожила в маленьком поселке при почтовом ящике ОГ/333 на севере нашей родины. Зима тут длится девять месяцев, забеременеешь в снег и родишь в снег. «Лето у вас было? Было, только в тот день я работала». Вот такие тут погоды, дорогие друзья. Поселок наш назывался Зайцево Поле. Потому я, Зайцева Нина, и родилась здесь. Тут рождаются все люди, которые впоследствии становятся Зайцевыми. Замечу, что в здешних лесах действительно много зайцев, жирных, пушистых, с

быстрыми, черными, без ресниц, глазами. А поле около поселка одно, там сажали картошку, а зайцев с косыми темными глазами я не видела, и почему это поле называется Зайцевым, я не в курсе, дорогие товарищи. Наверное, назвали его очень давно, еще до Великой Октябрьской социалистической революции, пламенной, незабываемой, с темными, косыми, без ресниц, глазами.

В этом картофельно-зайцевом поле, на зеленых травяных межах, разделяющих грядки поселковых жителей, мы играли в детстве с мальчишками в разные задушевные игры. Одна из них заключалась в том, что мальчишки просили нас, девочек, снять трусики и показать им наше потайное местечко. Девочки не соглашались, и мальчишки бегали за нами, ловили. Как-то поймали меня, повалили на травку и сняли трусики, выцветшие, с дыркой на попе.

Они только посмотрели, и не сделав ничего плохого. Сразу ушли. Я плакала, и девочки смотрели на меня издалека и боялись приблизиться. Как будто я стала заразной. И девочки, и мальчишки сторонились меня примерно месяц. И только один мальчик, задиристый, курносый, с веснушками на носу, Ванька Пипуныров, встретившись в поселке, краснел, опускал голову и вежливо здоровался: «Здорово, Нинка!»

Ванька Пипуныров утонул в восьмом классе. Но я знаю, что это неправда, просто болтовня, дорогие товарищи и господа.

Однажды по телевизору был репортаж из Китая. И там показали одного необычного китайца из провинции Сычуань. Так вот, этот китаец, примерно сорокалетний, невысокий, толстоватый, был с веснушками на носу. Китайцев с веснушками не бывает, наверное, поэтому нос этого китайца показали крупным планом. И я сразу узнала Ваньку Пипунырова! Значит, вовсе он не утонул! Он сбежал или уехал в Китай и стал там полноправным китайцем! А китайцы и не знают, что детство их соплеменник провел в Зайцевом Поле и что он проделывал со мной запретную штуку посреди картофельных кустиков.

Мой отец, Зосимов Герасим Григорьевич, был секретарем партийной организации подразделения девятого лагерного отделения. Герасим Григорьевич росту был небольшого, плотный, синеглазый, русоволосый, румяный мужчина с зычным голосом. На лбу сидела коричневая бородавка. Помню, эту бородавку я всегда принимала за пуговицу, думала, зачем пуговица на лбу? Спросить у папы стеснялась. А потом решила в пять лет: мозги застывает. Папа был ветработник, управляющий совхозом. Очень умный серьезный человек, почти без юмора. Он не то чтобы не смеялся, не улыбнулся ни разу в жизни, во всяком случае, я его улыбки не помню. Любил табуретку. Простую, кухонную, советскую табуретку, выкрашенную в зеленый цвет. Сидел только на ней, широко расставив ноги и шевеля их пальцами. Переносил табуретку в комнату, перед тем как включить телевизор. Включал «Горизонт», усаживался на табуретку, руками упирался в ее середину, ноги в стороны, шпагатом. Корпус наклонен вперед. Целый вечер так телевизор смотрел, иногда тоскливо раскачивался.

Однажды мама, Антонина Николаевна, мыла окна и поставила на табуретку таз с водой. Отец как раз пришел с работы, увидел это, зыркнул на маму глазом, светлым, злым, прищуренным, и выплеснул воду из таза на пол. А таз надел маме на голову. Я испугалась, заплакала и с тех пор обходила папину любовницу стороной. Ни разу на нее не присела. Табуретка мстила. Однажды по дороге в комнату я оглянулась. И увидела, что табуретка корчит мне противные рожи и ее левая ножка намеревается дать мне под зад... Надсмехалась табуретка не только надо мной. Мама ставила ее под стол, чтобы в тесной кухоньке образовалось больше пространства, но табуретка на ко-

ленках нагло выполняла оттуда, противно ухмыляясь своим мыслям. Интересно заметить, что когда мой папа, ветработник, секретарь парторганизации, умер, скончался и табуретка. Гроб вынесли на улицу и поставили на две табуретки, папину — под голову и другую, обычную, — под ноги, так вот папина — хрясь! — развалилась у всех на глазах. Гроб упал, и папа вздрогнул в гробу, красном, узком, с кружавчиками по краям, и выпростал из-под покрывала руки, бледные, с синими ногтями. Я подумала, ему стало больно от падения и он ожил. А ведь я уже взрослая была, приехала на похороны из Сызрани. Скорее принесли от соседей другую табуретку, а ту, сломанную, положили в гроб папе, и он сразу успокоился, умер снова. Так что папе есть на чем сидеть на том свете. Там он ее починит.

Моя мама в молодости имела цыганскую внешность, была смуглая, кареглазая, темноволосая, с маленьким носом. Я на нее похожа, только глаза у меня не черные, а бурые. Мама была добрая бесхитростная русская женщина, работала в поселке Зайцево Поле заведующей клубом. Тогда все ходили в клуб на танцы. Народу было много, и танцевали допоздна. Мы жили тогда бедновато, мама одевалась скромно. Платок на плечи, тапочки на ноги, но все равно красивая русская женщина. На танцах познакомилась с моим отцом, Зосимовым Герасимом Григорьевичем, который танцевал плохо и никогда не улыбался, а теперь лежал в гробу с обнимку с табуретными ножками.

Там же, в Зайцевом Поле, жила не замужем папина сестра Стульчикова Фаина Григорьевна, моя родная тетя. Она походила на своего брата Герасима: здоровая, рослая, пышная, русоволосая, синеглазая, румяная, простая и мужественная женщина. Помню ее с блестящей железной лейкой в руке. Она поливала сиреневые георгины после трудового рабочего дня. Лейка воду — фьють, фьють, струи переливались на солнечном свете, всегда разноцветные, лейка любила дикую морковь и норовила полить и ее, фьють, фьють, но Фаина Григорьевна не разрешала поливать сорняк, и за это лейка обливала ей загорелые крепкие ноги.

Стульчикова Фаина Григорьевна нравилась многим мужчинам в Зайцевом Поле. Ее любили и наши правители, на свидания с которыми она вылетала в разные места на специальных правительственных самолетах. Она родила тридцать пять человек детей, в том числе от наших правителей, от Мао-Цзэдуна, от Валерия Глухарева. Она рожала каждый год, иногда двойняшек. И сдавала их в детские дома поселка Зайцево Поле, городов Папаевска, Ижевска, Сызрани.

Валерий Глухарев был ее любимым мужчиной. Он, отбывая сроки наказания в колониях, часто менял свои метрики: фамилию, имя, отчество, год рождения. Многие дети Фаины Стульчиковой учились на прокуроров и способствовали этому. Все их дети носили разные фамилии и отчества. Валерий Глухарев своей внешностью очень походил на русского художника Левитана, который жил,

если вы помните, в прошлом девятнадцатом веке, а еще он походил на Рихарда Зорге и Валерия Чкалова. Взгляните на их портреты: ведь это одно лицо! Если вы согласитесь со мной, то подсчитаете, лет сейчас Глухареву около семидесяти. Несомненно, он знает секреты омоложения, ведь выглядит всего-навсего на сорок! Однажды я пришла к своей тете Стульчиковой Фаине Григорьевне попить чаю, а у нее дядя Валера Глухарев стоит перед зеркалом и мажется кремом. Подождал, пока крем «Янтарь» впитается в щеки и лоб, и остаток крема вытер полотенцем ровно через пятнадцать минут, как рекомендовалось в инструкции. Крем дядя Глухарев хранил в ванной комнате на полочке, стеклянной, тонкой, лучезарно вымытой. Однажды Стульчикова Фаина Григорьевна, моя родная тетя, прибиралась, тщательно мыла полочку жидкостью для стекла и, перепутав, положила вместо крема «Янтарь» зубную пасту «Лесная». Валерий Глухарев намазал зубной пастой лицо, холеное, круглое, красивое, как у актера, и, даже не сняв пасту салфеткой, стал бегать за моей теткой с топором. Весь поселок Зайцево Поле слышал ее душераздирающие крики! А многие видели полыхающее на солнце острое лезвие топора и сверкающее зеленой пастой лицо Глухарева. Помню, в детстве я смотрела французский фильм ужасов, так вот дядя Валерий Глухарев был очень похож на главного героя Фантомаса. К счастью, он не догнал мою тетю, ей помогли ноги, загорелые, крепкие, со светлыми волосками.

Кстати, не в кремах дело! Многие пользуются ими, в том числе и кремом «Янтарь», но всем далеко до молодости Валерия Глухарева!

Глухарев мог быть сущим ангелочком. Мою подругу Катю, простую, статную, с косой ниже пояса, он соблазнил так: посадил на поляну, договорился с комарами, чтобы не ели красавицу, набрал ей букет лесной герани

вперемешку с лютиками, прочел стихи из сборника Сергея Есенина «Гой ты, Русь моя родная», и вот Катя лежит у него на груди. Но остерегайтесь, женщины мира, ибо характер у Валерия Глухарева жестокий. Он просто-напросто садист, скажу я вам, бандит и мошенник, по которому веревка плачет. Когда двадцать третьего февраля не помню уже какого года двадцатого столетия я осталась с ним наедине у него в квартире, он, придя с работы выпивши, без всякой причины и даже не ссорясь со мной, стал меня зверски избивать. Я думала, что живая от него не уйду. И он это проделывал со многими своими любовницами. Да, надо сознаться, он сделал меня своей возлюбленной и даже Фаине Григорьевне признался:

— Полюбил я твою племянницу.

— Полюбил — так разлюбишь, — ответила Стульчикова Фаина Григорьевна, нисколько не осерчав.

Так и стало. Три года он любил меня, баловал конфетами «Мишка на Севере», овсяным печеньем, которое доставлял из Москвы, яблоками и вином различного происхождения, водил в кино на последний ряд, а потом стал мучить побоями. Я сбежала от него, вспомнив предсказания моей родной тети!

От нее, Стульчиковой Фаины Григорьевны, Глухарев Валерий Иванович имеет дочь, работницу центрального телевидения в Москве Татьяну Веденееву, которая, вполне возможно, и не знает ничего о своих родителях. Надо раскрыть ей глаза! Несколько раз я пыталась написать ей на место работы, но Валерий Глухарев уничтожил мои письма! Многие дети Фаины Стульчиковой живут в Сызрани, а многие в Москве, как Татьяна Веденеева, а еще в Нью-Йорке, Папаевске, Зайцевом Поле. Работают директорами, кадровиками, партработниками, полковниками, следователями, инженерами, врачами, психиатрами, гинекологами, работниками уголовного розыска, управляющими

сбербанками, космонавтами, дикторами центрального телевидения (Татьяна Веденева). Не только Татьяна Веденева, но и многие другие не знают своего происхождения, так как воспитывались в детских домах, без родительской ласки и подарков. Но все-таки Стульчикова Фаина Григорьевна, как могла, проявляла о них заботу.

В сельсовете поселка Зайцево Поле она при мне брала справки для своих детей о том, что ее брат Зосимов Герасим Григорьевич был секретарем парторганизации. Увидев меня, она сказала: а вот и моя племянница, она подтвердит эти сведения, Зосимов Герасим Григорьевич ее отец. Я не поняла хитрости родной тети, так как тогда была еще слишком мала. Стульчикова Ф. Г. впоследствии сняла много копий с этой справки и раздала всем своим детдомовским детям. При их помощи они попадали в институты по льготам, вне конкурса. Среди них были дети Фаины Григорьевны не только от Глухарева, но и от наших правителей — И. В. Сталина, Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева, Ю. Андропова, Мао-Цзэдуна... Оказывается, я с ними была в родстве, сама того не подозревая. Бедные дети выросли в детдомах. Фаина Григорьевна и от отца моего имела двенадцать детей. Валентина Терешкова — дочь Фаины Стульчиковой. Сорок лет я не знала о существовании моих двоюродных братьев и сестер. Они росли рядом со мной, ездили в одном автобусе, ходили в одну школу в поселках Зайцево Поле и Синий погост, а я ничего не подозревала. Хотя мне давали понять об их существовании. Помню, подбежала ко мне какая-то женщина на школьной перемене и говорит: приехала твоя тетя из Папаевска, Стульчикова Фаина Григорьевна, шестерых детей сейчас сдала в детдом, пойдем посмотрим. А я испугалась и убежала. А на другой день мы пошли в детдом всем классом на экскурсию, но я не запомнила своих двоюродных сестер и братьев, они были как все другие дети, сопли у них такие же и чулочки в гармошку. Сразу всех напрочь забыла, а это были будущие прокуроры, начальники уголовного розыска, артисты, врачи, депутаты Государственной Думы. Всех их родила Стульчикова Ф. Г., простая советская доярка, о которой писали в местной газете «Ленинское знамя».

...В шестьдесят шестом году я с отличием окончила техникум. Я была тогда бесхитростная, робкая, застенчивая, честная. Любила наряжаться, делать модные прически, ходила на танцы.

Работала в совхозе в Зайцевом Поле с осужденным бригадиром-агротехником. Тогда был хороший урожай капусты. Ночи белые, капуста знай себе сутками наливется, влагою напивается, воды в северной землице немерено. В моих рабочих числился Валерий Глухарев, эски мне однажды сказали: к Глухареву приехала женщина лет на двадцать старше его, Стульчикова Фаина Григорьевна. Так любят друг друга! Я тогда не поняла ничего и ляпнула зку: а у меня есть тетя Стульчикова Фаина Григорьевна. Не догадалась, что это она и есть. Там же в моей брига-

де отбывал срок наказания будущий президент Америки американец Рейган. Мне эски показывали на него, говорили, запомни, вот это будущий президент-американец, познакомься ближе, будет американский блат, в Америку будешь ездить в Белый дом на лужайку. Я тогда не придавала этому значения, заставляла Рейгана работать, как всех, не нравилось ему капусту пропальывать. «Вот тебе это поле — видишь, на километр тянется, это твое, пропальвай добро-совестно. А то без обеда останешься». Полोल, куда деться.

Мне было тогда двадцать лет. Рабочий Валерий Глухарев хотел обратить внимание на себя. Однажды я была очень занята, составляла отчет. Он сел рядом, положив передо мной финский нож убийцы и садиста. Я писала, не обращая на него внимания, только спросила про нож:

— Зачем он тебе?

— А так, — буркнул в ответ.

Эта финка была нужна Глухареву для различного вида шантажа.

Где-то в пятьдесят седьмом году помню случай: я — маленькая рыжая девочка, застенчивая и робкая, с бурьми зелеными глазами, носившая тогда кирзовые сапоги с блестящими начищенными носками, стояла осенью. Рядом змеилась железная дорога. С другой стороны параллельно железке лежала автомобильная дорога. Дальше высился лес. До райцентра Синий погост было три километра. Поселок Зайцево Поле — за спиной. Катились по дороге красивые блестящие колеса с узором посередине — это были змеи, совершавшие свое путешествие таким вот образом. Я хотела подойти поближе, чтобы их рассмотреть, но стоявший рядом со мной эск в простой черной одежде предостерег: отойди, не трогай, укусят. Возможно, это иностранная разведка поставляла змей Валерию Глухареву для шантажа наших руководящих работников и офицеров советской армии.

Когда Валерий Глухарев сел рядом со мной со своей финкой, узкой, длинной, коварной, я готовилась в первый раз выйти замуж за отрядного офицера Титова Игната Иваныча, голубоглазого блондина с кавалерийскими ногами, местного футболиста. Его после моей свадьбы споили. Я разошлась с ним, когда мне было двадцать пять.

После моей свадьбы с Титовым Глухарев водился с его сестрой Валею, молоденькой, хорошей, черноглазой милой девушкой. Они пошли в клуб на танцы. Валею пригласил приезжий художник Александр. Глухарев подождал, пока закончится танец, и набросился на Валею, как лютый зверь. Он зарезал Титову Валею, нанеся ей шесть ножевых ранений знакомым мне финским ножом. Чтобы ее спасти, вызывали шесть профессоров из Москвы, за ее жизнь боролись шесть дней, ничего, спасли. Профессорам дали за это Ленинскую премию. Сейчас Валя Титова живет в Сызрани, заместитель директора банно-прачечного треста, крупный банно-прачечный деятель. Начальником медчасти лагеря работал сын Стульчиковой Фаины, Болдырев, двойник немца Хоннекера, он и вызывал всех кремлев-

ских профессоров. Её жена, Ангелина Палкина, в молодости была киноартисткой в Австралии. В восьмидесяти восьмом году по телевизору шел многосерийный фильм «Все реки текут», там она, Ангелина Палкина, играет главную роль. Я её опознала. Зря она скрывает этот факт своей биографии, ведь играет очень хорошо, не надо стесняться.

...У меня всего двое детей. Когда я родила дочь Ксюшу весом в три с половиной килограмма, Валерий Глухарев поднял зону на ножи, диктуя свои условия. Ему продлили срок еще на три года. Я родила дочку Ксюшу, а позже узнала, что, оказывается, родила двойняшек. Двойняшку от меня скрыли, сразу куда-то унесли, оставили только Ксюшу. В сельсовете секретарь Варвара Тимофеевна дала мне подписать чистый лист бумаги, когда я оформляла пособие матери-одиночки. Двойняшку же оформил на себя Валерий Глухарев. Он мне сам в этом признался.

— Извини, Нина Герасимовна, — он меня уже по имени-отчеству звал, — одну твою дочку я присвоил. Я её воспитаю в своем вкусе, а похожа она будет на тебя, цыганку-красавицу со светлыми глазами.

Он тогда уже из лагеря вышел и жил на бесконвойке. Мучил меня, не говорил, где спрятал двойняшку, я каждый день его пытала-плакала, свою Ксюшу забросила, в круглосуточный садик отдала, искала ее сестренку, весь район объездила, а нашла ее здесь, в Сызрани. Об этом позже еще скажу, дорогие товарищи.

Отцом моих двойняшек был Зайцев Павел Иванович. За этого Зайцева я выходила замуж в семьдесят шестом году двадцатого столетия. Но я помню его очень плохо, потому что Павел Иванович каждую неделю ездил в командировки, а когда возвращался, брал удочки, сети из-под нашей супружеской полной, как река, кровати и шел ловить рыбу. Поймав рыбу, он сажал ее за стол, отчего все стулья были у нас в рыбьей слизи и чешуе. Вся рыба поголовно просила пить, и Павел Иванович поил ее водкой и компотом из черной смородины. Помню, одна рыбина захлебнулась компотом и умерла, а другие просто пьянели и тихо засыпали. Однажды Павел Иванович уехал в очередную командировку — в пустыню Невада — и более ко мне не возвращался. Уже потом я заметила, что удочки и сети тоже исчезли. Он взял их с собой. Этому обстоятельству я особенно удивлялась, потому что знала со школьных лет, что в пустыне нет рек и вообще нет воды, и очень переживала, ведь Зайцев Павел Иванович, грузный торжественный мужчина с нежным голосом Николая Сличенко, не сможет поймать там ни одной рыбки. А рыбачить он любил так же самозабвенно, как ездить в командировки. Бедный, так и пропал в американской пустыне.

Почему украденную двойняшку записал в свой паспорт Глухарев Валерий, который 23 августа 1989 года по улице Советской шел в форме сержанта милиции к остановке автобуса, я не знаю. Может, он просто хотел иметь от меня на память какую-нибудь вещицу, а вещицы никакой не было. Вот и присвоил мою, чужую для него, девочку.

На улице Минской нашего города опорный пункт милиции. Однажды я позвонила туда, надеясь, что там будет дежурить Валерий Глухарев. Я хотела снова попытаться у него про мою дочку-двойняшку. И вдруг мне ответил ее голос! Голос моей двойняшки! Голос был точно как мой, тонкий, слабый, исключительно женский. Я разволновалась и стала часто туда звонить, требуя, чтобы со мной поговорила дочь. Трудность заключалась в том, что я не знала ее имени. Валерий Глухарев сознательно не сообщил мне об этом, садистки усугубляя мои страдания. В опорном пункте милиции по улице Минской трубку бросали. Я ходила туда, объясняла дежурному офицеру, что здесь работает инспектором моя дочка-кровиночка-двойняшка. Дежурные меня так ни разу к дочери не пропустили, прогоняли, как муху назойливую, осеннюю, с прозрачными крыльями.

Я эту свою двойняшку видела летом на пляже. У нее глаза бурые, точно как у меня. У Ксюши же, ее сестры, серые, как у Зайцева. С Ксюшей все хорошо, она живет в Зайцевом Поле в панельном доме, сером, теплом, с батареями в стенах, у нее двухкомнатная квартира, мужа и детей нет. Я пошла за двойняшкой следом, когда она закончила загорать, уговаривая остановиться, посмотреть на меня внимательно, узнать во мне черты матери. Двойняшка убежала, но прежде несильно ударила меня пляжной сумкой по голове, когда я стала хватать ее за подол кофточки. Она закричала, что вызовет милицию и меня заберут! Вы поймете меня, дорогие товарищи, я потеряла покой. Жажда узнать жизнь двойняшки, жажда признать меня матерью поглощает меня целиком. Я встаю утром и, выпив чашечку чаю, густого, черного, бодрящего, бегу к месту ее работы. Я вижу ее по утрам! Но боюсь подойти, опасаясь, что она исполнит свою угрозу, прячусь за кусточком небольшого роста. По автомобильной дороге около ее учреждения все так же катятся змеи, красивые, блестящие, с узором на спине. Валерий Глухарев продолжает свое черное дело. Я боюсь этих змей, помню, как предупреждал меня ээк — укусят! Укус змей ядовит, я помню это со школы.

Что же мне остается? Остается одно — обратиться с письмом к своей двоюродной сестре Татьяне Веденеевой, пусть мне поможет! Пусть двойняшка взглянет на меня внимательно! Я ей все расскажу! Я раскрою ей глаза на Валерия Глухарева! Как вы думаете, дорогие товарищи, Татьяна Веденеева согласится помочь? Если нет, напишу Валентине Терешковой. Или обращусь к своему двоюродному брату прокурору, заранее спрошу у Фаины Григорьевны Стульчиковой его имя. Фаина Григорьевна живет в поселке Зайцево Поле, как прежде, но иногда я вижу ее здесь, в Сызрани. Наверное, приезжает на свидания к Валерию Глухареву. Они, как и раньше, любят друг друга и рожают детей, будущих прокуроров, депутатов Государственной Думы, дикторов центрального телевидения. Я недавно встретила Фаину Григорьевну — катит коляску!